

УДК 947(571.1/5)

Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60–70-е гг. XIX в.)

И. Н. Никулина

*Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, г. Барнаул*

Рассмотрен период пребывания в Западной Сибири представителей католического духовенства западных губерний: Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, участвовавших в восстании 1863 г. в Царстве Польском. На основе использования законодательных актов Российской Империи, архивных материалов и литературы в работе нашли отражение вопросы численности, листа размещения, материального положения, рода занятий ссыльных.

Ключевые слова: ссылка, католическое духовенство, поляки, Западная Сибирь.

Среди поляков – участников восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском отбывали ссылку в Сибири представители католического духовенства западных губерний: Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской. Следует отметить, что понятия «поляки», «польские преступники» и др. употреблялись не столько по этническому, сколько по функциональному основанию (участие в противоправительственных действиях на территории Царства Польского и прилегающих к нему местностей). «Поляком» мог быть назван каждый, кто был причастен к восстаниям или являлся уроженцем западных губерний и Царства Польского.

Как известно, 5 марта 1864 г. император утвердил правила для высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников Январского восстания. Среди местностей Западной Сибири, определенных для жительства лиц, высланных под надзор полиции по политическим причинам, были названы Тобольская губерния (Тобольск, Ишим, Курган, Омск, Петропавловск, Тара), Томская губерния (Томск, Бийск, Кузнецк, Нарым) [16]. Таким образом, в числе названных оказались города Алтайского горного округа (Бийск, Кузнецк), несмотря на то, что политическая ссылка не получила значительного распространения на Алтае в силу того, что его земли являлись собственностью Кабинета Его Императорского Величества (с 1747 г.). Особое положение, в котором находился Алтай как входящий в состав кабинетских земель, послужило причиной его закрытия для ссылки на основании законов Правительствующего Сената 1762, 1776 гг., Высочайших повелений 1808, 1862 гг.

На основе изучения и систематизации архивных материалов удалось выявить 13 представителей католического духовенства из указанных губерний, высланных на жительство под надзор полиции в Западную Сибирь. По на-

шим подсчетам, 2 человека находилось в Тобольской губернии (без указания конкретного местонахождения), 11 – в Томской губернии (в г. Бийске, Кузнецке, Мариинске, Нарыме, Омске, Томске) [4, л. 29; 9]. Следует отметить, что ввиду частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое точный подсчет достаточно затруднен. Безусловно, это не окончательные данные. Возможно выявление новых имен и внесение определенных корректив в процессе дальнейшего изучения проблемы.

Материальное положение ссыльных было достаточно сложным. Некоторые из них получали денежное пособие. Известно, что в 1867 г. из Бийского окружного казначейства выдавалось с 6 марта по 1 руб. 50 коп. кормовых ксендзу Францу Дышо, сосланному в 1864 г. на жительство в Томскую губернию под надзор полиции по обвинению в сношениях с мятежниками, посещении их и доставлении продовольствия, с 29 марта 1865 г. находившемуся в Бийске [4, л. 16; 11; 12].

Часть ссыльных находилась в крайне бедственном положении, не получая от казны пособия. Так, с прошением о выдаче пособия обращался 9 декабря 1866 г. к начальнику Томской губернии Урбан Торгонский, высланный на жительство под надзор полиции в Томскую губернию за составление ложного донесения, с 20 августа 1866 г. находившийся в Кузнецке, «в крайней нищете», поскольку «...здесь заработать копейку... не в состоянии по сану... и преклонным летам...» [4, л. 22; 7, л. 101].

В ведомости политических преступников, состоящих под надзором полиции в Томской губернии, находившихся на жительстве в г. Мариинске, составленной в 1873 г. для назначения пособия от казны и на содержание и наем квартиры, значительное число составляют ссыльные ксендзы, среди которых назван Эдуард Котович, высланный в 1866 г. на постоянное жительство под строгий надзор полиции в Томскую губернию «как обнаруживший вредное направление и совершенную неблагонадежность в политической отношении» [10, л. 13 об.; 14, л. 2].

Известно также, что в 1873 г. кормовое пособие выдавалось Игнатию Дышкленевичу, высланному на жительство в Томскую губернию под строгий надзор полиции за противозаконные действия против православия и распоряжений правительства, находившемуся в Томске, в размере 15 коп. кормовых в сутки, 4 руб. 50 коп. в месяц, 54 руб. 75 коп. в год [3; 10].

Одной из проблем существования в Сибири римско-католических приходов являлась нехватка духовенства. Оказавшимся в списке католическим священникам запрещалась любая религиозная и миссионерская деятельность. Тем не менее в отдельных случаях допускались исключения из правил.

Так, среди проживающих в Омске ссыльных ксендзов, которым с 1867 г. было дозволено каждый год служить обедни в Омской римско-католической церкви, упоминается Игнатий Статкевич, высланный в 1865 г. на постоянное жительство под строгий надзор полиции как неблагонадежный в политическом отношении в Тобольскую губернию, в 1867–1869 гг. находившийся в Омске. Однако с прибытием в Омск священника Гриневского на должность вицекурата чтение литургий ссыльным ксендзам было запрещено [8; 13].

Несмотря на официальные запреты властей, многие ссыльные представители католического духовенства занимались просветительской деятельностью. В Томске благодаря их усилиям была создана школа для детей из бедных семей, в воспитании и обучении которых принимал участие ссыльный ксендз Игнатий Дышкленивич [18].

В 70-х гг. XIX в. в положении польских ссыльных произошли существенные изменения. На основании Высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. отдельным категориям политических ссыльных возвращались «прежние права состояния, но без прав на прежнее имущество тех из них, которые были лишены сего судебными приговорами», многие из них освобождались «от надзора полиции с дозволением жить повсеместно, за исключением столиц и столичных губерний, уроженцам же Царства Польского и Западных губерний, за исключением и сих губерний, а лицам, принадлежащим к духовному сословию римско-католического вероисповедания, кроме того, и за исключением Царства Польского, с оставлением в своей силе воспрещения всем им вступать в государственную и общественную службу... Кроме того, политических преступников, находившихся как на поселении, так и в каторжной работе..., которые... со времени ссылки вели себя одобрительно и будут признаны благонадежными, обратить в разряд сосланных на жительство с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ. Лицам, сосланным в Сибирь в административном порядке по приговорам обществ и получившим, на основании действующих законов, разрешение на временное пребывание в Европейской России, предоставить право возвратиться в прежние общества, если таковые пожелают их принять» [1].

В связи с этим большой интерес представляет доклад директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий и полиции исполнительной, сделанный в 1872 г., в котором указывалось, что применение 3 пункта Высочайшего повеления 13/17 мая 1871 г. «должно быть распространено и на тех, кои были высланы по суду без лишения прав или в административном порядке... В числе таких лиц находились и ксендзы, высланные без лишения прав и духовного сана...». Однако «ksenдзы... беспрепятственно переезжают из одного места в другое – каковым правом не пользуются...», поскольку «состоящие под надзором полиции, и следовательно признанные неблагонадежными, свободны от всякого наблюдения..., и не всегда известно, где они находятся и чем занимаются. По имеющимся... сведениям ксендзы, будучи свободны в выборе мест жительства, сосредотачиваются или в местах пограничных с западным краем или в местностях, назначенных для жительства высших духовных лиц римско-католического исповедания, удаленных от управления делами, что может отразиться вредным образом на ходе дел римско-католической церкви...» [6, л. 2–4].

В соответствии со статьей 90 Свода законов Российской Империи «никто из принадлежащих к Римско-Католическому духовенству не может отлучаться из мест пребывания своего или службы без вида от надлежającego своего начальства; паспорта для дальних отлучек выдаются Начальниками Губерний, по требованию Епархиальных Начальников, во все губернии» [17].

Именно поэтому 12 апреля 1872 г. из Министерства внутренних дел Департамента полиции исполнительный предписывалось «начальникам губерний, чтобы они строго следили за приехавшими туда ксендзами и в случае обнаружения каких-либо... фактов неблагонадежности..., входили бы в Министерство с представлением о высылке их оттуда с учреждением за ними вновь полицейского надзора». 28 апреля 1872 г. начальникам губерний указывалось, что «всем проживающим во вверенной Вам губернии ксендзам, освобожденным от надзора полиции объявить..., что не будучи лишены духовного сана, они должны подчиняться действию 90 ст. 1 Ч. XI. Т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) и потому не могут отлучаться с места их жительства иначе как по билетам, выдаваемым начальниками губерний ...» [6, л. 16, 16 об., 22].

В дополнение к этому на основании Высочайшего повеления от 8 октября 1872 г. «...освобожденные от надзора полиции римско-католические священники могут быть назначены vikарными к приходам великорусских губерний под надзор и ответственность настоятеля, и негласное наблюдение полиции» [15, л. 28].

15 декабря 1872 г. из Министерства внутренних дел Департамента полиции исполнительный последовало указание начальникам губерний о том, что «ксендзам, допущение которых к должностям будет признано возможным по соглашению Министра внутренних дел с Третьим Отделением С.Е.И.В. Канцелярии с тем, однако, чтобы лица эти не были назначаемы вместо настоятелей, а были определяемы vikариями и с учреждением за ними надзора духовного их начальства и секретного наблюдения полиции» [6, л. 41]. Следует отметить, что в дальнейшем 28 июля 1881 г. «последовало Высочайшее соизволение на распространение Высочайшего повеления от 8 октября 1872 г. о назначении римско-католических священников, освобожденных от надзора полиции, vikарными в приходы великорусских губерний – на губернии Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую» [6, л. 72].

Высочайшее повеление от 9 января 1874 г. фактически подтвердило дарованное 13 мая 1871 г., в соответствии с которым «...состоящим ныне в разряде сосланных на житье с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и находившихся как в Европейской России, так и в Сибири, даровать прежние права состояния..., тем из таковых лиц, кои находятся в Сибири, дозволить, если пожелают, переселиться в одну из внутренних губерний по назначению правительства, ... тех же, кои находятся в Европейской России, освободить от надзора полиции... предоставить право поступления на государственную службу в тех местах, где им дозволено свободное проживание, ... освобожденным от надзора лицам, которые были удалены с места жительства без лишения прав, дозволить возвратиться на родину» [2].

На основании данных Высочайших повелений было освобождено от полицейского надзора с разрешением выехать из Сибири значительное число ссыльных ксендзов. Однако удалось установить, что из ссыльных ксендзов Минской, Могилевской, Витебской, Гроднинской губерний покинул Западную Сибирь только Феликс Кринский; Николай Гиртович, Игнатий Дышкленевич, Аврелиян Мацкевич остались в Сибири по истечении срока наказания.

Франц Дышо в мае 1874 г. был освобожден от полицейского надзора «с выдачею вида на повсеместное жительство за исключением столичных и западных губерний» [5, л. 14], однако об его дальнейшем местонахождении сведений не имеется. Пока не обнаружено конкретных данных о судьбе остальных ссыльных представителей католического духовенства указанных губерний Западного края. Известно лишь, что в Томске похоронены католические священники: И. Гиртович, А. Мацкевич, И. Дышкленич [19]. Возможно, последующие исследования в этом направлении с привлечением нового круга источников прольют свет на одну из интереснейших страниц истории пребывания ссыльных католических духовных в Сибири.

В целом, ссыльные католические священники 60–70-х гг. XIX в. оказали определенное влияние на жизнь региона. Следует отметить достаточно доброжелательное отношение к ссыльным со стороны местного населения. Некоторые из ссыльных представителей духовенства занимались религиозной и просветительской деятельностью, несмотря на запрещения, воплощая собой, таким образом, хранителей национальных традиций, культуры, языка, объединяя соотечественников и оказывая влияние на духовное развитие Западной Сибири. Несомненно, они морально поддерживали изгнанников, немаловажное значение, на наш взгляд, имели личности самих священнослужителей. Именно в условиях сибирской ссылки в процессе живого общения закладывались основы дальнейших дружеских взаимоотношений и контактов между представителями славянских диаспор в регионе, что является подтверждением переплетения исторических судеб народов России, Польши, Беларуси на протяжении ряда столетий. Одновременно это история формирования основ межгосударственного общения, взаимовлияния и взаимообогащения различных культур, обусловленного тесными и постоянными контактами местного населения со ссыльными, оказывающая глубокое воздействие на процесс формирования межэтнических отношений. В этой связи становится все более необходимым широкое сотрудничество ученых России, Польши, Беларуси, благодаря которому, несомненно, найдет новое освещение ряд неизученных и малоизвестных вопросов истории и культуры.

1. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). 2-е изд. Т. 46. Отд. 1. № 49597. С. 564.

2. Там же. Т. 49. Отд. 1. № 53017. С. 43.

3. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7754. Л. 1–2, 6.

4. Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784.

5. Там же. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11 462.

6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. 1 эксп. 1872 г. Д. 63.

7. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1149.

8. Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6318. Л. 37, 37 об.

1. The complete set of the Russian Empire laws. 2-d edition. V. 46. Sect. 1. N 49 597. S. 564.

2. Ibid. V. 49. Sect. 1. N 53017. S. 43.

3. The Omsk Region Historical Archive (ORHA). F. 3. Inv. 6. Doc. 7754. P. 1–2, 6.

4. ORHA. F. 3. Inv. 6. Doc. 7784.

5. Ibid. Inv. 7. Doc. 11462.

6. The State Archive of the Russian Federation (SARF). F. 109. 1-st exp. of 1872 – Doc. 63.

7. The Tomsk Region State Archive (TRSA). F. 3. Inv. 2. Doc. 1149.

8. Ibid. F. 3. Inv. 4. Doc. 6318. P. 37, 37 f.v.

9. Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1420. Л. 4, 6–8 и др.
10. Там же. Ф. 3. Оп. 19. Д. 728.
11. Там же. Ф. 3. Оп. 54. Д. 1060. Л. 1, 1 об.
12. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 170. Оп. 1. Д. 730-а. Л. 2 об.
13. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 3. Д. 222. Л. 1.
14. Там же. Ф. 821. Оп. 3. Д. 241.
15. Там же. Ф. 821. Оп. 3. Д. 427.
16. *Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1971. 252 с.
17. Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1. № 90. С. 21–22.
18. *Jędrychowska B.* Polscy zesłańcy na Syberii 1830–1883. Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. 240 s.
19. *Ханевич В.* Участники Январского восстания и их потомки в истории г. Томска // *Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / pod red. W. Cabana, W. Śliwowskiej.* Kielce, 2005. S. 133–144.
9. Ibid. Inv. 6. Doc. 1420. P. 4, 6–8 etc.
10. Ibid. Inv. 19. Doc. 728.
11. Ibid. Inv. 54. Doc. 1060. P. 1, 1 f.v.
12. The Altay Region State Archive (ARSA). F. 170. Inv. 1. Doc. 730-a. P. 2 f.v.
13. The Russian State Historical Archive (RSHA). F. 821. Inv. 3. Doc. 222. P. 1.
14. Ibid. F. 821. Inv. 3. Doc. 241.
15. Ibid. Doc. 427.
16. *Sapargaliyev G. S., Diakov V. A.* Social-political activity of the exiled Polish in Kazakhstan in the prerevolutionary period. Alma-Ata : Science, 1971. 252 p.
17. Code of laws of the Russian Empire. SPb., 1857. V. 11, part 1. N 90. S. 21–22.
18. *Jędrychowska B.* The Polish exiled to Siberia in 1830–1883. Pedagogical, educational and cultural activity. Warsaw : Publishing house of the Warsaw State University, 2000. 240 p.
19. *Khanevich V.* The January rebellion participants and their descendants in the history of Tomsk // *Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Ed. W. Cabana, W. Śliwowskiej.* Kielce, 2005. P. 133–144.

Catholic Clergy Representatives in the Western Siberia exile (60–70-s of XIX-th c.)

I. N. Nikulina

Altay State Technical University of I. I. Polzunov, Barnaul

The article considers the period of exile to the Western Siberia of the Catholic clergy representatives from Western provinces such as the Vitebsk, Grodnensk, Minsk, Moguilevsk provinces, who were exiled due to their participation in the rebellion in 1831 in Polish Kingdom. Grounded on the Russian Empire legislative acts, the archival materials and different sources the issues of the exiled group size, their staying, material circumstances and their occupation are revealed.

Key words: exile, Catholic clergy, the Poles, the Western Siberia.

Никulina Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и культурологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, г. Барнаул, e-mail: innikulina@mail.ru

Nikulina Irina Nikoloyevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Culturology, the Altay State Technical University of I. I. Polzunov, Barnaul, e-mail: innikulina@mail.ru